

Шубрт И. Подвойский Д. Г. Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте?

М.: ВЦИОМ, 2024. — 380 с.

Создать учебный или обзорный текст про теории, который бы отличался обстоятельностью и глубиной — большая и в то же время тонкая в исполнении работа. Прделанная авторами книги работа или, как они сами пишут, «продукт профессиональной жизнедеятельности» представляет собой попытку очертить лабиринт во множестве теорий социологии (определение авторов). Мы можем предложить встречную метафору: попытка обозначить палитру красок для живописания социальной жизни в ее многообразии.

В самом начале хотела бы внести уточнение о том, можно ли отнести данную работу к категории учебных. Полагаю, да, в том смысле, что просветительская функция в полной мере присуща данному тексту. Действительно, авторам удается упомянуть и включить в рассмотрение множество теорий, что, безусловно,

служит развитию кругозора читателя. Несомненная ценность книги — обширная библиография. Авторы привлекают разные, в том числе сложно доступные, источники на различных языках. Каждую главу завершает удобный в обращении список литературы.

Присоединяюсь также к утверждению авторов о том, что задача хорошего учебника упростить, но не уничтожить разнообразие. В этой книге теории изложены на «универсальном», не перегруженном специальными терминами и изысками языке социологии, что делает их доступными для освоения. Это можно назвать плюсом для учебной литературы. Минусом же подобного способа изложения будет то, что при такой «универсальной» подаче оказывается сглаженным своеобразие словарей отдельных теорий. Хотя словарь делает их сложными для понимания, в то же время он открывает отважным читателям уникальную логику мысли авторов этих теорий. Стоит добавить, что для глубокого погружения в теории одной только учебной или аналитической литературы явно недостаточно. Простота учебника намекает читателю, что для погружения в тему необходимо прочитать первоисточник.

Книга иллюстрирует посыл о существовании многих «хороших и разных» социологий, о мультипарадигмальности этой науки, что делает книгу современной и своевременной. В настоящий момент мы можем наблюдать потрясающее разнообразие социальных теорий микро-, мезо-, макромасштабов, апологетических и критических, нейтральных и ценностно-вовлеченных, оставшихся нам в наследие и произведенных сравнительно недавно. Многим из них находится место в этой книге. Среди героев этой книги мы найдём мыслителей, которые редко фигурируют в обзорных и аналитических текстах по социальной теории, таких, как Н. Элиас, Ш. Эйзенштадт, М. Маффесоли, У. Бек.

Крайне актуальным считаю также признание значимости языка теории для идентификации парадигмы, где «парадигма = оптика + теория + язык + метод» (с. 25 со ссылкой на М. Петрусика). В целом, оптика понимания теории как особого дискурса с отличительной для него терминологией и мировидением может считаться едва ли не самой продуктивной для осуществления анализа и пользования социальными теориями. Примечательно, что в заключительной части авторы книги называют приоритетной мыслительную ориентацию о решающей роли речевых актов в воспроизводстве социального (добавим: и теоретического).

Отдельный аспект, заслуживающий внимания в подобного рода работах, — это предложенные классификации. Внутренний критик вопрошает об основаниях приведенных классификаций, членений на парадигмы и течения, разбиения на главы. Задача классификации социальной теории в самом названии работы и в теле текста неоднократно обозначается как сложная и почти невыполнимая, в связи с чем конкретные и однозначно эксплицированных критериев разбиения теорий читатель, увы, в книге не обнаружит. Смутные ощущения про «пучки» или «букеты» сходных теорий (с.16) усугубляются при рассмотрении структур глав, в которых предложены композиции из теорий.

Более всего, пожалуй, озадачивает пятая глава. К предложенной в ней группе теорий *социальной сплочённости* (из названия главы) отнесены теории Леви-Стросса и Фуко наряду с Парсонсом и Хабермасом. Данная, как сказано авторами, «проблематичная группировка» обозначена в сопровождающем тексте как *теории структуры*, и такой вариант представляется всё же более проясняющим основания для объединения. Диахронный порядок этой главы также оригинален: Леви-Стросс, Парсонс, Мертон, Фуко, Луман, Хабермас, Гидденс, Бурдьё, Александер. Возможно, большая дробность глав позволила бы органичнее развести по ячейкам столь неоднородные теории. Либо же ситуацию могла исправить пусть и спорная, но более ясная артикуляция оснований для осуществления классификации. Сами авторы очерчивают границы своей рефлексии признанием, что ориентировались на разбиение текста и теорий по «плавающему» проблемно-тематическому

принципу. После прочтения книги основания и принципы классифицирования теорий становятся несколько более понятны, однако, всё же лишь интуитивно.

Отмечу также, что сложности классифицирования теорий в целом преодолимы и не столь безнадежны, хотя и требуют от аналитиков неизбежного риска сужения перспективы. Что бы хотелось возразить от себя — лабиринты социологической теории не представляются столь уж непроходимыми тому, кто изучает и использует их. Из личного опыта преподавания могу сказать, что существует проблема неразличения идей, понятийных схем и парадигм, характерная для неофитов. В этом плане книга «вооружает» читателя собственными, пусть не до конца определенными, вариантами различения.

Книга неоднородна по тематическому составу глав: освещение содержания отдельных групп («пучков») теорий перемежается с размышлениями о траекториях движения социальной мысли и социологии как таковой, ее зарождении и своеобразии, о характере дискуссий в социологии разных периодов. Интересен вдумчивый экскурс во второй главе по истокам формирования самой возможности мыслить социологически — «генеалогия новоевропейского рационализма и формирование научной картины мира» (с. 41) — от Платона, Бэкона, Канта, через развитие естественных наук и роли протестантизма, феноменализма и детерминизма в методологии. В четвёртой главе авторы выходят за границы сугубо теоретического поля к эмпирике. Достигнутый эффект — продемонстрировано, что в развитие социологии в определенный момент (начало XX века) вливается новая эмпирическая волна, представленная американской линией и неопозитивизмом.

Не без иронии отмечу, что в книге слышны актуальные точки современной общественной и идеологической полемики. Так, в тексте упоминается настойчивость экспансии западной модели науки и общества, предложена переоценка традиционных форм социальности не в русле прогресса, а присущих этим формам ценностей. Социология представлена как «интеллектуальный прецедент» западной Европы, которая в силу исторической констелляции породила новую науку, чья применимость за пределами Европы может и, вероятно, должна быть критически переосмыслена. Культура подозрения читающего позволяет, в свою очередь, критически переосмыслить сами предложенные утверждения в контексте сегодняшнего дня.

Вообще, написание учебника, как и аналитического обзора — дело неизбежно оценочное. Даже само упоминание той или иной фигуры и уделённый ей в тексте объем внимания выразительны. В книге можно заметить неравномерность освещения идей теоретиков. Спенсеру уделено несколько абзацев, теории Маркса (включая предшествовавших повлиявших философов) — несколько страниц, идеям Вебера и Латура — по 3 страницы, идеям Бурдьё — 11 страниц. В тексте, помимо того, встречаются авторские суждения об ошибочности

некоторых положений Маркса, преувеличениях Леви-Стросса, удачной аллегории Баумана — и все это делает ощутимым авторское дыхание, которое, подобно голосу преподавателя в аудитории, способно провоцировать любопытство и в то же время открыто желанию спорить. Право высказать оценочное суждение в данном случае, видимо, может быть обосновано авторским концептуальным видением и, по возможности, недогматичной его аргументацией. В данном случае авторское видение плюс доступное изложение наиболее существенных идей теоретиков в тексте весьма органично сочленено и со-представлено.

В завершение отмечу, что субъективность аналитика в тексте представляет эвристическую ценность в том случае, когда ему «противопоставлен» другой и третий коллега, что означает для нас необходимость включения в рассмотрение и список литературы для студентов более чем одну книгу, более чем одну аналитическую версию. Пусть с нами будет мультипарадигмальность, а вместе с ней и мультитекстовость!

И. А. Чудова

Для цитирования: Чудова И. А. [Рец.] Шубрт И., Подвойский Д. Г. Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 122–125.